

РОССИЙСКИЙ РЕКВИЕМ

Этот вечер в Большом театре носил название Российский Реквием. 29 сентября исполнилось 40 дней с момента гибели трех бесстрашных людей.

Я не знаю тех слов, на которые имеем мы право, стоя рядом с их родными. Великая и гордая Ахматова, согнуть которую мог лишь материнский страх, сказала: «А туда, где молча Мать стояла, так никто взглянуть и не посмел». В отрывках из ее «Реквиема», который прочла в начале вечера Алла Демидова, и прозвучали те нужные единственные слова: мы здесь, чтобы видеть, слышать и чувствовать их троих

и вместе с ними всех тех, чьи лица мы не вспомним уже.

Что могло звучать для них? Музыка и тишина. И зал после божественной виолончели Натальи Гутман на целую долгую минуту замер.

Но трудно говорить о духовном достоинстве, размышляя над программой концерта. Вполне понимая, как трудно было ее составить, и относясь с большим уважением к инициативе Международного неправительственного фонда «Дом детей-сирот», я все же вынуждена сказать, что стиль кремлевских концертов здесь был неуместен.

Этот час не терпит легкости

в обращении: спасибо оптимистам-американцам, помогающим благородному фонду, но в тот момент было странно петь дуэт об истории любви с хорошим концом. Слушая его, я жалела, что различаю слова, а вот стихотворение Т. Дилана «И у смерти не будет власти», прочитанное по-английски Ванессой Рэтгрэйв, звучало так пронзительно, что его, казалось, поняли все.

Этот час не терпит деклараций — ни прямых, ни косвенных. Неприкрыто экстатическим показался пафос финала, когда вместо портретов погибших на залитой светом сцене возник хор и раздалось праздничное «Слався» из «Жизни за царя». Музыку Глинки снова приговорили служить идее. И ни при чем были аплодисменты, обра-

щенные к царской ложе, где сидели руководители государства. Если на то пошло, в тот вечер там могли находиться только те, кто отдал Вечности своих любимых людей. Вчера я впервые увидела не окруженных толпой журналистов Силаева, Хасбулатова и даже Горбачева. Они прошли по пустынному фойе, где играла музыка, ибо сюда не их пришли слушать — пришли слушать они. Это был первый вечер за много десятков лет империи, когда в Большой театр, ставший символом безликой официозности, просто люди пришли скорбеть о людях. О тех, которые отдали жизнь за единственную равную ей драгоценность — свободу.

М. ВАРДЕНГА.